

Dorovský, Ivan

Райко Жинзифов и Тарас Григорьевич Шевченко

In: Dorovský, Ivan. *Райко Жинзифов : воздействие русской и украинской литературы на его творчество*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1988, pp. 51-71

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/122350>

Access Date: 06. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РАЙКО ЖИНЗИФОВ И ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

А. ОБРАЗ НАРОДНОГО РАПСОДА В ПОЭЗИИ Р. ЖИНЗИФОВА

В последних десятилетиях появился ряд статей и трудов, занимающихся украинско-болгарскими литературными связями в прошлом столетии. Особенно украинские ученые стремятся истолковать различные аспекты воздействия украинской литературы на творчество отдельных болгарских поэтов и на общее развитие болгарской литературы.¹

В связи с тем говорится также о Райко Жинзифове. Однако в настоящее время Жинзифов представляет также „светлую страницу“ истории украинско-македонских литературных связей. Кроме того, развитию украинско-македонских связей способствовал также сборник „Български народни песни“ братьев Димитра и Константина Миладиновых, который стал на Украине известным сразу же после выхода в свет. Прогрессивная газета „Черниговский листок“, редактором которой в 1861—1863 гг. был украинский поэт, баснописец и автор произведений для детей Леонид Иванович Глибов (1827—1893), напечатала о сборнике македонских и болгарских народных песен интересную статью, в которой говорилось, напр., также о заслугах Г. С. Раковского.²

Бесспорно, что в развитии украинско-болгарско-македонских литературных и общественных связей, начиная с 60-х годов прошлого столетия, большую роль сыграло творчество Т. Г. Шевченко. Передовые культурные деятели из Балкан, к которым принадлежит также Р. Жинзифов, воспитанные на демократических началах народных героических песен, вдохновлялись поэтическим творчеством Т. Шевченко. Обращение к ге-

¹ Дмитрук, В. Т.: *Сторінки вікової дружби*, Львів 1958; его же: *З історії українсько-болгарських літературних зв'язків*, в кн. Филологічний збірник, Київ 1958; его же: *З історії українсько-болгарських зв'язків*, Жовтень, 5, 1958; Шпильова, О. В.: *Головні етапи українсько-болгарських літературних зв'язків*, Київ 1963. Там и основная литература предмета.

роическому прошлому, любовь к народу, близкие картины народных страданий — идея освобождения и единения славянских народов — стали для балканских литературных деятелей очень близкими.

Уже Иван Шишманов установил, что в творчестве Райко Жинзифова, Любена Каравелова и Петко Рачева Славейкова можно открыть без особых трудностей в выборе тематики и в форме следы украинского поэта. И действительно, с формой трехстопного и четырехстопного хорей встречается и в поэзии Каравелова, и Жинзифова (о том см. ниже), и П. Р. Славейкова.³

В начале 60-х годов XIX века студенты Московского университета Р. Жинзифов и Л. Каравелов сделали первые переводы стихотворений Шевченко. Нельзя, однако, согласиться с утверждением В. Т. Дмитрука,⁴ что Жинзифов познакомился с поэзией Шевченко еще на Украине и что его стихотворение „Гулаб“ написано под влиянием поэзии украинского поэта. О сильном воздействии поэзии Шевченко на поэтическое творчество Жинзифова писали не раз болгарские и македонские исследователи (И. Шишманов, Б. Пенев, П. Динеков, Хр. Зографов, Х. Поленакович, А. Спасов и др.).⁵ Надо сказать, что переводы Жинзифова из Шевченко, в настоящее время в многом утратившие свою актуальность, сыграли в 60-х—70-х годах XIX века большую роль для популяризации творчества Шевченко среди балканских славян, „що мало в той час прогресивне значениа“.⁶

Правильно заметил С. Божков,⁷ что идеи и образы Шевченко оказали влияние на освободительную борьбу болгарского народа и служили его литературному воспитанию. С другой стороны, А. Мазуркевич,⁸ не взяв во внимание конкретные исторические условия и состояние перевода, одностронне отрицательно оценил переводы Р. Жинзифова.

У Райко Жинзифова (и у некоторых других балканских славянских и неславянских поэтов) встречаемся с мотивом матери, напр., в его поэме „Кървава кошула“ („Кровавая рубашка“). Мотив о тяжелой доле матери, женщины, характерен и для творчества Шевченко, Некрасова и др.

Райко Жинзифов, будучи студентом, страстно читал произведения русских классиков и также постепенно знакомился, по мере возможностей, с литературой остальных славянских народов и с мировой лите-

² Дмитрук, В. Т.: *Сторінки вікової дружби*, с. 30—31.

³ Шишманов, И. Д.: *Тарас Шевченко, неговото творчество и неговото влияние върту българските писатели преди Освобождението*, София 1914; Русакиев, С.: *П. Р. Славейков и руската литература*, София 1956.

⁴ Дмитрук, В. Т.: *Сторінки вікової дружби*, с. 20.

⁵ Зографов, Х.: *Райко Жинзифов*, Литературен збор, год. 4, бр. 1, Скопје 1957, с. 1—16; Спасов, А.: *Поезијата на Райко Жинзифов*, „Трудови“ на Катедрата за историја на книжественосте на народите на ФНРЈ, год. 1, бр. 1—2, Скопје 1960, с. 17—29; Конески, Б.: *Крвава кошула*, Годишен зборник на Филолошкиот факултет во Скопје, кн. 3, Скопје 1977, с. 269—274; Поленакович, Х.: *Райко Жинзифов, живот и книжевна дејност*, Развико, год. 17, бр. 1, Битола 1979, с. 36—58 и др.

⁶ Дмитрук, В. Т.: *Указ. соч.*, с. 20—21.

⁷ Божков, Ст.: *Тържество на вековна дружба и литературно сътрудничество*, Известия на Института за българска литература, кн. 3, София 1955, с. 14—15.

⁸ Мазуркевич, М.: *Почато, та недовершено ...*, Литературна газета, № 11, 1958.

ратурой. Более всех Жинзифов любил поэтическое творчество украинского поэта Т. Г. Шевченко.

В 1840 году вышла первая книжка стихов Тараса Шевченко под названием „Кобзарь“,⁹ в которой было всего восемь стихотворений. Книжка привлекла внимание уже своим названием и самобытностью, так как при слове кобзарь возникали образы украинских бродячих певцов, слепых старцев, продолжателей старых кобзарей и казацких бандуристов,¹⁰ слагавших печальные песни о горькой судьбе обездоленных людей, о славном прошлом Украины. Его думы о судьбе родного народа, об историческом прошлом, о лучшем будущем оказали сильное воздействие на мысль Жинзифова. Певец Перебендя надолго запомнился ему. Наш поэт стал думать. Он думал не о подражании или о „переработке“ поэзии Шевченко, а стремился изобразить македонского Перебендю, который бы искренними и искренними словами, как и Перебендя Шевченко, рассказал народу о его прошлом, настоящем и будущем. Чтобы и он, Жинзифов, по примеру Т. Шевченко, обратился к изнемогавшим современникам: „Смотрите, как ваши отцы и праотцы боролись за свободу, за независимость — и последуйте их примеру.“

Подлинная народность, горячая любовь к родине, близость к украинскому фольклору, романтизм с реалистическими тенденциями изображения, необычно драматические образы матери (напр., стихотворение „Наймичка“), политические завещания народу, призыв к свержению самодержавия — все это богатство целого творчества Шевченко способствовало сближению Жинзифова с ним. Жинзифову стал близок Шевченко своей судьбой и судьбой своего народа, своими простыми, мелодичными, полными жизни, уверенности и патриотизма стихами.

Райко Жинзифов начал переводить стихотворения Тараса Шевченко из сборника „Кобзарь“ на богларод-македонский язык (в сущности это был своеобразный наддиалект), чтобы познакомить своих соотечественников на Балканах и за пределами с поэзией великого поэта Украины. Поэт усиленно переводит не только стихи Шевченко, но и величайшее произведение древней русской литературы — „Слово о полку Игореве“, древнечешские фальсификации — „Краледворскую рукопись“, одновременно редактирует сборник „Братский труд“ и слушает лекции на факультете, где был отличным студентом. Это дает ясный образ о великом трудолюбии поэта.

Первый опыт дать образ „вещего Бояна“ в новых условиях Жинзифов делает, разумеется, под сильным воздействием поэзии Шевченко и образа народного поэта Бояна из „Слова о полку Игореве“. В стихотворении „Молитва“ поэт выражает свое стремление отдать жизнь на службу народу, пытаясь определить роль прежде всего самого себя в общественной жизни, как это делают его учителя Лермонтов, Пушкин, Некрасов и прежде всего как это делает его любимейший Тарас Шевченко.

Образ гуслира — народного певца оказывает сильное воздействие на сознание поэта. Жинзифов, очевидно, сам не был удовлетворен образом,

⁹ Шевченко, Т. Г.: *Кобзарь*, Москва 1954.

¹⁰ Máchal, J.: *O bohatýrském epose slovanském*, 1, Praha 1894, s. 19n.

выведенным в „Молитве“. Лучше, чем в „Молитве“ ему удался этот образ в стихотворении „Просяк“ („Нищий“). Простой народный певец — нищий поэт, подобно kobzary Шевченко, о самых насущных проблемах современности:

**Пеит за народност, пеит
За бащина и любовь,
И нас слънце да огреит
И да никнит живот нов.**

По сравнению со стихотворением „Молитва“ стихотворение „Просяк“ является шагом вперед. Жинзифов устами нищего впервые призывает народ думать о будущем („Нек разсъдим, нека спомним / И за наша бъднина“).

Стремление поэта вдохнуть „рабской общце“ — народу идею о будущем, является огромным шагом вперед в развитии и освоении им общественно-политических взглядов, в понимании существующей действительности.

Образ народного певца, певца страданий и мечты народа, Жинзифову удалось полностью раскрыть в синтезе вешего Бояна и kobzary в одном из самых замечательных своих стихотворений — в поэме „Гусляр в собор“, написанной в том же году, как и „Молитва“ и „Просяк“ и опубликованной впервые в сборнике „Братский труд“ за 1862 год. „Гусляр в собор“ — это народная рапсодия, полная картин и образов, любопытная своими романтическими мотивами и построением формы. В поэме новая метрика, интересная композиция и разнообразная ритмика, с которой мы встречаемся в русской классической литературе. В ней уже не находим „черные небосклоны“ и непонимание еще несознательного народа, а ясный призыв „нового Бояна“ — народного рапсода к активной деятельности. Очень размашисто, стремительно, импульсивно начало поэмы:

**Сберете се люди, сбери се народ,
В широка поляна ти вон из градът,
Печалби дневни и трудове сос пот
На час остави и ярем от вратът.
Сбери се народ, разбуди се от сон,
Освети се, близка доба, близок час**

Это прямой, отважный, героический призыв к свержению ига. В инсказательной форме говорится о том, что предшествующая борьба народа (имеется в виду не только борьба за церковное дело, но и народные восстания) должна принести свои результаты („Веч се разведрил твой мрачен небосклон, / Безплодна нива вече пицит за клас“).

На широком лугу под городом Боян поет собравшемуся народу грустную песню, отличающуюся от стиля и формы построения стихотворения краткими, восьмисложными и шестисложными строками четверостиший, сочетающимися в перекрестной рифме АБАБ. Песня написана силлабо-тоническим стихосложением, женской рифмой, характерными для македонского народно-поэтического творчества. В свою поэму Жинзифов включил

также собственную адаптацию одного в свое время очень популярного стихотворения сербского поэта Йована Суботича.¹¹

Краткие строки песни чередуются трехстопным и четырехстопным хорейским стихом:

Ветри буйни, ветри с сили
Вейте, жално вейте,
И с планински самовили
Очи сълзи лейте.

Здесь надо подчеркнуть, что формам стихосложения Жинзифов много учится у Лермонтова, Пушкина и Шевченко. Это ясно ощутимо, если сделать, напр., следующее сравнение с „Думкой“ Тараса Шевченко:

Вітре буйний, вітре буйний!
Ти з морем говориш.
Збуни його, заграй ти з ним
Спитай синє море.¹²

Сравнение только доказывает, как Жинзифов сумел использовать ритмику Шевченко для построения собственных стихотворений.

Жалостная, грустная песня Бояна — это обращение (опять-таки вполне в духе македонской народной поэзии) к птицам, горам, лесам, садам и полям, белолицым девушкам и чернобровым жницам, чтобы осознали свое положение, так как

Народе, страпна сѣдба твоя,
Защитници немаш, сам си,
Противници многу на земля,

заверить народ, что он, несмотря на это, непокорим („Но пак си жив, целичък си“).

Но это уже не песня народного певца, а какой-то агитационный призыв, или, если хотите, песня о непоколебимости угнетенного народа, песня о вере поэта в собственные силы человека, пахаря, песня о труде, песня о любви к народному языку, литературе и культуре, к народу и к его творчеству, ко всему родному, песня о ненависти к фанариотам и турецким мусульманам.

Типичный образ-символ македонского крестьянина-земледельца, в силы которого глубоко верит поэт, обрисован в песне очень правдиво, реалистически и убедительно:

¹¹ Стихотворение И. Суботича носит название „Србкиња“ и находится в его сборнике стихов „Босилъе“ (1843). Сербский писатель Яков Игњатович пишет: „Kod Srba je (ta pesma) načinila tour de monde, u svakoj se kući pevala, tako je pogodila opšte osećanje.“ См. Игњатовић, I.: *Мемоари*, Београд 1966, с. 51, 79. См. также Поленаковиќ, X.: *Указ. соч.*, с. 36—58.

¹² Шевченко, Т. Г.: *Повне вибрання творів у шести томах*, Київ 1963, том 1, с. 10. Все дальнейшие примеры из поэзии Шевченко даются по этому изданию.

Видете го! он старец орач
Ся трудит он и ноц и ден,
Далеко ся слушат негов плач,
Но все работат, не му ет лен.

Продават си он последен вол,
Продават последна овца
И пак останват без риза, гол,
И гладни сет клетки деца.

Не знаит празник ни добър ден,
Че уж не ет божий човек,
За него бел ден ет чърн ден
И чърн ет негов краток век.

Обелели косми и брада,
Как сухо дърво станал сух,
А що он добил, каква мъзда
Това ли, че он нем и глух?

На основе характеристики и анализа жизни простого македонского народа поэт приходит к выводу, что трудом, потом и жизнью крестьян пользуются не они сами, а другие, которые их эксплуатируют:

За кого готвит негов труд с пот,
Кому он дават свой имот? —
На агата и в царев град
И на хитър и зол фавариот.

Осознание двойного ярма и двойной эксплуатации — со стороны греков и турок — важно для Жинзифова и для народа. Против угнетателей национального самосознания выступает молодежь:

О гърци, гърци, чуйте нас,
Чуйте наш народен глас.
Знайме ми, разбираме ми
Злобна цел, коя криете ви.
До сега не погърчихте нас,
За напред храбро чекаме вас.
Време ет дошло не ет далеч,
С остро ли перо, с остър ли меч
Ке делим, ке се караме ми
В сегашни дни и в подирни дни,
В широко поле, в планина,
За народност и за правина,
За бащина, за майчин язык ...

Вот прекрасное изображение нарастающего национального самосознания на фоне реальной картины жизни. Народ и поэт осознают постепенно

свои нарастающие собственные силы. Строки звучат как призыв и как клятва:

**Живо, мъртво на свои крака
Ке станат и ке дадат ответ
На цела Европа, на цел свет**

Выраженная Жинзифовым революционная идея борьбы, определение средств, необходимых для освобождения, подчеркивание единства, прекрасные, искренние мысли о своей родине Македонии — все это является только дальнейшим подтверждением подлинного патриотизма, приводящего Жинзифова на позиции поэта-патриота, поэта-демократа.

В поэме выведен образ македонской женщины, девушки-красавицы, идеальный и идеализированный символ молодого поколения. Она

**Хубавица, милолика,
Светлокоса, черноока,
С снага стройна, белолика**

поет о своем роде, о славянском происхождении. Жинзифов, чтобы ее выделить, чтобы подчеркнуть, что она македонка, вложил в ее уста чистый, звучный македонский язык (стихотворение написано наддиалектом). Этими лексическими средствами поэт воспользовался не случайно. Он использует их для выделения, оттенения определенных характерных признаков изображаемой македонки (как мы уже заметили, песня является адаптацией стихотворения Й. Суботича „Србкиња“),¹³ для дополнительного усиления ее конкретизации, так как „через язык рисуется та социальная среда, к которой принадлежит действующее лицо“.

Интересно отметить, что Жинзифов устами македонки прокликает и отвергает свое греческое имя — Ксенофонт:

**Име нека ет Боян,
Здраве, Драган или Стоян,
А не гърчко Ксенофонт,
Или друго — Демофонт.
Чуждо за чужд род
Свое за свой род.**

Кульминация развития сюжета звучит в заключительной „громогласной“ песне присутствующих, поющих вместе с гусяром, и в их клятве бороться в одном строю за освобождение.

Своеобразным эпилогом, постпозицией, которая дается для большей полноты выражения главной идеи, ее раскрытия и завершенности, является как будто бы написанное в продолжение стихотворение „С руйно вино домородно“ (в литературе известно под названием „Здравица“), состоящее

¹³ См. примечание 11.

из восьми четверостиший, написанных хорейским стихом, законченным женской рифмой. Свободно присоединенным стихотворением поэт хотел сделать какую-то рекапитуляцию, резюме поэмы, и с большим восторгом, уверенностью и надеждой восклицает:

**Сме славяне, как московци,
Сърби, чехи и поляци
Черногорци, ерцеговци
И хървати и бошнаци.**

По словам Л. С. Ерихонова, исследователя жизни и творчества Р. Жинзифова, поэт декламировал „Здарвицу“ на Всероссийской этнографической выставке в Москве в мае 1867 года с изменениями второго стиха второй строфы. Вместо „Сърби, чехи и поляци“ Жинзифов читал „Сърби, чехи и словаци“. Ерихонов пишет, что Жинзифов и русские славянофилы во время польского восстания 1863 года и позже выступали против усилия поляков и против их борьбы за национальную независимость.¹⁴

В стихотворении, как и во всей поэме, звучит идея славянского (некоторые исследователи говорят о славянофильском) чувства и принадлежности к славянской семье, идея славянской дружбы на основе равноправия.

Образ народного поэта-рапсода обрисован в поэме несколькими штрихами, но дает нам ясное представление о певце. Он с гуслиями в руках ходит размеренным шагом. Он приходит в народную толпу

**С умилен поглед, чърноок
Без хитрост, без гордост, без алина**

и поет свои грустные, скорбные, но правдивые песни о судьбе народа. Из его уст широким потоком текут живые слова, пробуждающие в народе бодрость и чувство силы.

Народ изображен в поэме в согласии с исторической действительностью, элементарно, как неорганизованная масса: „Он гол, он бос, без пушка и без меч“. Очень нежно и чувствительно нарисован образ девушки-македонки. Она является предметом скорбных лирических излияний поэта.

Б. КЪРВАВА КОШУЛЯ

25-го июня 1865 года (в селе Рогожка у Карамзиных, в России) поэт окончил свою самую значительную поэму — „Кървава кошуля“ („Крова-

¹⁴ Ерихонов, Л. С.: *Един стих на Жинзифов*, *Език и литература*, 1, София 1971, с. 77—78; *Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г.*, Москва 1867, с. 371 и след.; Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, София 1964, том 2, с. 201—202.

вая рубашка“).¹⁵ Это самое большое произведение Жинзифова никто еще до сих пор обстоятельно не разобрал.¹⁶ Никто из тех (за исключением Б. Конеского), кто критически и некритически оценивал творчество нашего поэта в прошлом столетии, не дал обстоятельную картину, оценку положительных и отрицательных качеств и преимуществ поэмы. Для П. П. Славейкова, который дал отрицательную оценку поэмы, характерен грубый тон и трафаретный стиль.¹⁷

„Кървава кошуля“ — поэма скорби. Из каждой ее строки дышит болезненная, печальная, мучительная скорбь. Тема и идея поэмы взяты из действительной жизни македонского народа в городе Прилепе, где Жинзифов служил учителем. Вероятнее всего поэма написана на основе действительного события, непосредственно прожитого автором. Таких случаев бывало очень много и очень часто. Значит, Жинзифов вынашивал свой замысел очень долго, почти восемь лет, так как событие, описанное в поэме, произошло в 1857 году.

Подзаголовок поэмы звучит: „Приказка из современнѣйт български живот“. Мотто „Зол търн, зла копачка“ — народная пословица, аллегорически определяет цель повествования поэмы.

Интересно отметить, что с той же самой народной пословицей мы встречаемся в письме Димитра Миладинова от 1852 года, написанном еще по-гречески Александру Экзарху, редактору „Цариградского вестника“.¹⁸

Жинзифов работал над поэмой целых восемь лет. Об этом нашем предположении мы косвенно узнаем из введения к четвертой книге сборника „Братский труд“, написанного в 1861 году. Поэт здесь, говоря о злодеяниях турок, приводит наряду с другими примерами и событие, изображенное в поэме. Вот с каким предупреждением, с каким пристрастием он говорит: „О, да би змия лютица го изела! (турка — примечание мое.) Майка жална, майка люля си своя клета рожба и жежки, дребни като бисер, рони сълзи над нея! Младо момче българче търгнува на път с надежда да спечели некая парица, за да прехрани стара си майчица, слеп си баща и клета си сестрица, а като погледнеш на други ден застанал на сухо дърво черен гарван и, гракайки, казва и: „Клета бабичко, убиха сина ти“...“¹⁹

Действительный случай, о котором Жинзифов долго думал, над которым работал, помогал ему и в формировании его отношения к туркам. Все те, кто занимался творчеством поэта, пишут, что поэма была впервые опубликована в 1870 году. Однако до этого она отрывками печаталась в журнале. О первой публикации поэмы мы узнаем из письма Жинзифова Марину Дринову от 24 мая 1868 года, написанном на русском языке, в котором

¹⁵ Жинзифов летом 1865 г. находился в имении А. Н. Карамзина (1816—1888), поэта, одного из основателей Московского славянского комитета, сына известного историка и писателя Н. М. Карамзина, в качестве репетитора его детей.

¹⁶ Обстоятельный анализ дал только Конески, Б.: *Крвава кошула*, Годишен зборник на Филолошкиот факултет во Скопје, кн. 3, Скопје 1977, с. 269—274.

¹⁷ Славейков, П. П.: *Кървава кошуля, поема от Р. Жинзифов*, Мисъл, год. 9, кн. 7, София 1899.

¹⁸ Братя Миладинови, *Съчинения*, под редакцията на Н. Табаков, издание второ, София (без года издания).

¹⁹ Жинзифов, Р.: *Избрани творения*, под редакцията на П. Динеков, издание второ, София 1943, с. 122.

заявляет: „Вчера запретили газету ‚Москва‘ на шесть месяцев. Справься, прошу Тебя в редакции ‚Народности‘, почему она не печатает продолжение моей поэмы ‚Кървава кошуля‘, высланное мною еще 14-го давно-минувшего августа?“²⁰

Значит, 14-го августа 1867 года была „Кровавая рубашка“ послана в редакцию „Народности“. Отрывки из нее были опубликованы в „Народности“ в 1869 году. Поэма вышла в Браиле, в Румынии, в 1870 году на средства Б.Нешева, которому посвящена в обращении, очень характерном для всего содержания и, в конце концов, и для самого Жинзифова: „Македоно-болгарската пословица казват:

Дека вода текла
Пак вода к’е течит;
Дека трава расла,
Пак трава к’е растит.

Поэт пользуется македонским написанием (обратите внимание на к’) и подробнее объясняет ее содержание другой пословицей:

Дека имало свобода,
Пак к’е има свобода.

Поэма „Кървава кошуля“ состоит из четырех частей. Первая часть — вступление, вторая — ознакомление с главными персонажами, третья — монолог несчастной матери, четвертая, очень краткая, восьмистрочная, составляет развязку и заключение поэмы.

Вступление к поэме — сильное лирическое воспоминание Жинзифова о родной земле, полное скорби и томления. Оно несколько длинно и сентиментально.

Рассказ, обращенный к воображаемым слушателям-девушкам ведется от лица самого автора. После краткого воспоминания о славном прошлом Прилепа и Кралевича Марка поэт начинает рассказывать о настоящем:

Али сега, мили моми,
Нека ви прикажа
Приказка от наше време

Поэт увлекается воспоминаниями о прекрасной природе и хочет ее передать в поэтических описаниях, напоминающих своим началом стиль К. Г. Махи:

Беше вечер, јасен вечер
У Прилепа града
По безоблачно ми небо
Месечина плава,

²⁰ Диневков, П.: *Македонија во преписката на Марин Дринов*, Македонски преглед, 2, 1942, с. 52—85.

Окол' нея там безбройни
Ситни звезди ссят,
А и ветър, тихи, хладни
Лист на дървя нишат.

Очень живо, сильно и трогательно дан образ матери, одиноко сидящей перед церковными воротами. Никто не знает о ее невыносимой скорби и страстном желании отомстить. Поэт обращается к матери с просьбой рассказать ему о своей доле:

Гледам, бабо, тежко ти е
На душа и сърдце

...

Раскажи ми твойт помин
Ядове и глоби.

Негли я ще да помогнам
На твоята мъка,
Негли ще ти кажам како
Тъга да одбиеш.

...

Турчин изгорил ти сърдце
или чорбаджия?

Здесь ясный намек на один из основных мотивов болгарской революционной поэзии — характерный особенно для поэзии Л. Каравелова и Христо Ботева — борьба не только против турок и фанариотов, но и против внутренних врагов, против чорбаджиев.

Старая мать, с глазами переполненными слезами, слабым, жалостным голосом начинает свой рассказ — монолог в третьей и самой важной части поэмы, представляющей живейшее, самое драматическое ее ядро и ядро всей поэмы:

Сын, слова мои ты помни,
Сердцем исповедай,
А придешь домой — отцу их
Передай, поведай!
Если он богат и знатен,
Полон сил — быть может —
Он в беде моей великой
Бедной мне поможет;²¹

Мать рассказывает автору о своих томлениях, ожидая помощи от него или от его отца, в широком смысле сказано, горюющая мать ищет помощи от своих соотечественников. Она продолжает:

²¹ Мы пользуемся здесь русским переводом Н. В. Гербея, опубликованным в сб. Поэзия славян, Санктпетербург 1871. Русский перевод опубликован также в Жинзифов, Р.: *Съчинения*, съкмилила З. Здравева, София 1927, с. 180—183.

Если ж' — нет, то сам ты, сын мой,
Как почувешь силы,
Сердце вспыхнет и прихлынет
Свежей крови в жилы,
Может быть ты сам отплатишь
Моему злодею ...²²

Оскорбленная и изнемогающая мать требует отмщения этим „проклятым кровопийцам“. Одета в черном, мать вынимает из мешка кровавую рубашку своего сына Божина, которого турки убили. Изнуренная, измученная мать, держа в руках самое любимое теперь для нее на свете — обгавленную кровью рубашку сына, ретроспективно вспоминает о его жизни, неутешно льет слезы на кровавую рубашку и стонет:

Ту один был у родимой —
Вольный ветер в поле ...
И вот нет тебя, мой милый,
Нет на свете боле!
Пуля турчина на вылет
Грудь твою пробила,
Сабля на две половины
Тело разрубил.

В поэме, хотя не во весь голос, изображен в лице матери символический голос народа, призыв к отмщению злодеям-туркам. Очень грустна картина одиночества матери, вызывающей к состраданию и помощи:

И вот маюсь я на свете,
И стеной кукушкой
Все кую днем и ночью
Под моей избушкой

Четвертая, заключительная часть поэмы, очень кратка. Она выражает утешение матери автором и его обещание отомстить туркам за убитого сына:

Твои думи, ядна бабо
Твърдо я запомних.
Помнам тия жежки сълзи,
Ядри като бисер.

Поэма свидетельствует о том, что зверства турецких „харемников“ заставляли поэта думать об отплате. Подобные трогательные образы, данные в поэме, Жинзифов встречал в очень большом количестве прототипов часто в разных местах Македонии. Автор в поэме обобщает все эти

²² Там же, с. 180. Все следующие примеры русского перевода приводятся по этому изданию.

жизненные наблюдения и в типичном образе матери не только раскрывает действительность, но и показывает путь дальнейшего развития.

В поэме „Кървава кошуля“ Жинзифов делает несколько отклонений от данного сюжета и идеи поэмы: в первой части, повествующей о тяжелой судьбе христианских женщин — лирическое, очень чувствительное, полное симпатий к молодому поколению описание взаимных отношений Божина и Грозданы и воспоминание о своей любви. В остальных частях поэмы редко встречаются отдельные вставные строки, нарушающие единство и силу общего образа и впечатления. Жинзифов — по словам А. П. Стоилова²³ — намеревался выпустить новое, исправленное издание. Стоилов доказывает и подкрепляет свое мнение исправлениями, внесенными в браилском издании поэмы, хранящимися в настоящее время в Софийской национальной библиотеке. Предполагается, что исправления сделаны самим автором. Но я в этом не убежден.

Однако, если отбросить по сделанным исправлениям излишние отклонения и повторения, то получится замечательный и сильный образ. Стоилов говорит о поэме как о „хорошем поэтическом произведении“. Мы добавим, что, хотя поэма по форме неправильна и ее размеры ритма не всегда соблюдаемы, она в свое время сыграла известную роль в общественном сознании и была высоко оценена не только соотечественниками Жинзифова, но и русскими. Николая Васильевича Гербеля (1827—1883), поэта, переводчика и издателя (в переводах которого наш поэт знакомится с классиками западно-европейской литературы и с его переводом „Слова о полку Игореве“) поэма настолько тронула и понравилась ему, что он переводил отрывки из нее. В „Кровавой рубашке“ Жинзифов „воспе со големо чувство и мајсторство длабоката болка и жалост на македонската мајка, чиј едничак син, прва мајчина рожба, ѝ го убија Турците“. ²⁴

Положительными сторонами поэмы являются также сюжет — типичный и близкий всем славянам, страдающим под турками, реалистическая форма изображения, очень близкая южнославянской народной поэзии. Именно автентичность жизненных данных с ярко выраженным осуждением турецких злодейств в свое время привлекала внимание читателя и оказывала на него непосредственное воздействие.

И в „Кровавой рубашке“ можно обнаружить воздействие русской поэзии того времени на языковые, поэтические средства, на форму и стихосложение. В форме поэмы, оно, в конце концов, видно более ясно, чем в других произведениях Жинзифова. Совершенно понятно и естественно, что в „Кровавой рубашке“ имеются следы прежде всего поэзии Т. Г. Шевченко. Жинзифова сближает с поэзией Шевченко глубокое чувство к своему народу. Оба поэта близки и своими взглядами. Шевченко был членом тайного политического „Кирилло-мефодиевского общества“ и рассматривал вопрос о социальном и национальном освобождении Украины не с позиций либерально-реформистских, а с позиций революционно-демо-

²³ Жинзифов, Р.: *Кървава кошуля*, под редакцията на А. П. Стоилов, София 1926, с. 10.

²⁴ Доровски, И.: *120 години од раѓањето на Рајко Жинзифов*, газ. Борец-Агонистис, Прага, 13 февруала 1959 г.

кратических, в отличие от либералов и националистов.²⁵ Нельзя не учитывать еще одно очень важное обстоятельство, которое содействовало популяризации произведений Шевченко среди южных славян и сближению Жинзифова с его творчеством. Это мелодичность, простота, ясность и глубокое народное содержание его поэзии. Тем самым творчество Шевченко соответствовало пониманию и вкусам Жинзифова. „Нека читателите се упознаят колку-годе с малоруската гусла Шевченкова“ — пишет Жинзифов в послесловии к „Новоболгарскому сборнику“.²⁶

Жинзифов любил творчество поэта Украины и всего русского народа, переводил его стихи и вдохновлялся его поэзией всю жизнь. Это видно из переводов стихотворений и поэм Шевченко. Об этом свидетельствует и одно из писем М. Дринову от 9-го марта 1866 года: „Превел съм почти весь Шевченко. Но той още дълго време ще лежи между другите мои бумагемарания“.²⁷

И вполне естественно, что творчество Шевченко в большой мере повлияло на взгляды Жинзифова, на идеи и содержание его собственного творчества, а больше всего на форму его стихов.

Жинзифов перевел всего 15 стихотворений, поэм и романтических баллад Тараса Шевченко (Б. Пенев неправильно говорит только о четырех переводах поэм, забывая о поэме „Причина“, переведенной Жинзифовым под названием „Магьосана“ и опубликованной в одном из лучших болгарских журналов до освобождения — в жур. „Читалище“).²⁸ Стихотворения „Тополь“, „Катерина“, „Утопленница“, „Думки“ („Ветер буйный, ветер буйный“, „Течет вода в сине море“, „На что черные мне очи“) Жинзифов под общим названием „Гусляр Тараса Шевченко“ поместил в „Новоболгарском сборнике“.²⁹

Остальные переводы стихотворений Шевченко наш поэт опубликовал в разных болгарских журналах и газетах.³⁰ Для своих переводов Жинзифов пользовался вероятнее всего новым изданием „Кобзаря“ 1860 года, уже широко распространенным по всей стране. Издание „Кобзаря“ 1860 года имело большой общественный резонанс. Положительно отозвалась прежде всего (но не только) прогрессивная критика: Н. А. Добролюбов в „Современнике“ (№ 3, 1860), Н. М. Михайлов и Д. Мордовцев в „Русском слове“,

²⁵ Назаренко, И. Д.: *Общественно-политические, философские и атеистические взгляды Т. Г. Шевченко*, Москва 1961, с. 149—172; Макогон, С. Е.: *Революционно-демократични погледи Т. Г. Шевченка*, Київ 1961.

²⁶ Жинзифов, Р.: *Новобългарска сбирка*, Москва 1863, с. 132.

²⁷ Динеков, П.: *Указ. соч.*, с. 52—85.

²⁸ Пенев, Б.: *История на новата българска литература*, том 4, часть 1, София 1936, с. 675.

²⁹ Нецправилно утверждение И. Д. Шишманова (а, следовательно, и других авторов), что первый перевод Жинзифова из поэзии Шевченко был опубликован в 1859(!) году в сб. „Братский труд“. См. Шишманов, И. Д.: Тарас Шевченко, библиографическая беседа, кн. XVI, София 1914, с. 39—64.

³⁰ *Послание славному П. И. Шафарыку*, Общ труд, кн. III, 1868; *Казашка песен* (отрывок из поэмы Гамалия), Свобода, № 35, 1870; *Две стихотворения*. Из Шевченко (Минуваат дни, минават ноци и И ден се мина, и ноц се мина), Читалище, кн. 15, 1871; *Ратакина*, Читалище, год. 1, кн. 23, 24, год. 2, кн. 1, 2, 1871; *Завражена*, там же, кн. 12, 1873; *Ой, три друмови широки*, там же; *Зачто ти ходиш на могила и Ой, вачто си почърнело*, Век, № 12 и 25, 1874.

рецензии в „Отечественных записках“, в жур. „Семейный круг“, заметки в газетах „Санкт-Петербургские ведомости“, „Московский вестник“, „Северная пчела“ и т. д.³¹

Н. А. Добролюбов назвал Тараса Шевченко „поэтом совершенно народным“. И другие литературные критики подчеркивали народность поэзии Шевченко, связь поэта и его творчества с жизнью простого народа. Указывалось на его оптимизм, на его веру в лучшее будущее, на его надежду в возрождение масс, не только украинских, но и всяких других, на раскрытие потенциальных возможностей народного украинского языка.

В издании „Кобзаря“ 1860 года вошло большинство стихотворений и поэм, которые Райко Жинзифов перевел.³² Нашей задачей не является дать подробный анализ переводов Жинзифова. Мы укажем только на несколько сходных мест его „Кровавой рубашки“ со стихотворениями Шевченко.

Для Шевченко была самой любимой формой метрическая форма четырехстопного и трехстопного хорей, в котором написано много его стихотворений и поэм. Эту метрическую форму мы встречаем и у Жинзифова, в самой большой мере в его „Кровавой рубашке“. Именно в этой поэме наш поэт как будто хотел показать синтез знаний по стихосложению, данных ему знаменитыми русскими мастерами слова и особенно Шевченко. Простоту шевченковского стиха, близкого народной песне, хорошо известной Жинзифову не только по сборникам Раковского, братьев Милединовых, но также из собранных им народных песен; трехстопный и четырехстопный хорей с цезурой сыграли тоже положительную роль в усвоении опыта поэзии Шевченко.³³ Жинзифов в поэме „Кровавая рубашка“ стремится полностью сохранить эту излюбленную шевченковскую метрическую форму, хотя это не всегда ему удалось:

Ако да бех знала чедо,
Че зло ще го найдет,
Него немаше да пуцам
В той ден клетки, чърни.
Да бех знала ... да бех знала,
Можех ли да знаям?

Жинзифов учится у Шевченко не только стихосложению, не только построению формы, но и языковым средствам изображения данной конкретной обстановки. Он ни в коем случае не подражает Шевченко. Из

³¹ Попель, С. Д.: *До історії видання „Кобзаря“ 1860 року*, Раздзянське літературознавство, 4, 1960, с. 41—52.

³² В издание „Кобзаря“ 1860 года вошли следующие стихотворения и поэмы: Думи мої, думи мої, Перебенди, Тополя, Утоплена, Причинна, чотыре думки (Тече вода в синє море, Вітре буйний, вітре буйний, Тяжко, важно в світі жити, Нащо мені чорні брови, До Основ'яненка, Іван Підкова, Тарасова ніч, Гамалія, Катерина, Наймичка, Гайдамаки, Давидови псалми.

³³ То же самое построение стиха мы находим и в многих стихотворениях других болгарских поэтов того и более позднего времени, напр., в стихотворениях Л. Каравелова, Ц. Гяччева, в некоторых поэмах И. Вазова, частично также у П. П. Славейкова.

стихотворений, которые он переводил, всегда запоминал самые прекрасные, лучшие, самые звучные, мелодические строки. И понятно, что когда Жинзифов писал свои оригинальные стихи, эти строки приходили ему в голову. Проще говоря, Жинзифов учится у Шевченко также искусству поэтического выражения. Если Шевченко в поэме „Тополя“ рассказывает устами девушки, влюбившейся в чернобрового казака и покинутой им, печальную историю своей любви, то Жинзифов употребляет подобные слова и построения, говоря устами матери о ее сыне. Сравните вышеприведенную часть из „Кровавой рубашки“ со стихами Шевченко из поэмы „Тополя“:

Якби знала, що покине —
Була б не любила;
Якби знала — не ходила б
Пізно за водою
...
Якби знала!

Таких и подобных примеров можно найти в поэзии Жинзифова достаточно. Шевченко пишет в стихотворении, посвященном личному знакомому Н. А. Маркевичу, автору пятитомной „Истории Украины“, о великой тоске по родине Украине, где

Могили з буйним вітром
В степу розмовляють,
Размовляють, сумуючи,
Отака их мова:
„Було колись — минулося,
Не вернеться знову“.³⁴

Прекрасное заключение стихотворения, выражающее страстное томление его автора по Украине, могло удовлетворить и чувства изболевшейся души Жинзифова:

Полетів би, послухав би,
Заплакав би з ними ...
Та ба, доля приборкала
Меж' людьми чужими.

Жинзифов, обращаясь к девушкам и рассказывая им о старой славе Прилепа, употребляет подобные сказочные средства выражения:

Що помина не се в'рщат
Назад, о девойки.³⁵

³⁴ Разрядка моя — И. Д.

³⁵ Разрядка моя — И. Д.

В поэме „Тарасова ніч“ Шевченко изобразил восстание украинского народа, который под предводительством Тараса Федоровича (в некоторых исторических трудах названного Трясилом) разгромил армию польских гетманов, представителей шляхты:

**Вже не три дні, не три ночі
Б'ється пан Трясило**

Жинзифов использует подобные средства для изображения турецких грубостей и насилий, совершаемых над женщинами „турецких славян“:

**Не две ночи, не три ночи
Твои чърни вежди**

Дивчина в „Тополе“ Шевченко уже не поет под вербою. Любимый казак ушел, и без него „солнце не светит“. И если милый не вернется, то она погибнет. Но

**Минув і рік, минув другий
Козака немає;
Сохне вона, як квіточка, —
Мати не питає.**

Жинзифов выражает успокоение матери над тем, что турки ушли и сын остался живым:

**Мина се ден, втори, трети,
Мина се неделя,
Нищо нема, все є мирно
В село, п' околія —**

И опять „Тополя“ Шевченко:

**А хто ж її головоньку
Буде доглядати?
Хто догляне, распитає
На старість поможе?
Мамо моя, доле моя!
Боже милий, боже!**

„Кровавая рубашка“ Жинзифова:

**Кой ще, боже, мене стара
В хладен гроб отпусне?
Кой ще, боже, при смъртта ми
Очи да заклопит?**

Все примеры, сходные или по форме или по содержанию, я привел

не потому, чтобы доказать какую-то зависимость Жинзифова от творчества Т. Шевченко, а только в качестве свидетельства его любви к автору прекрасных поэм и стихотворений, к автору, борющемуся за свободное будущее Украины, к революционному демократу и великому другу славянских народов.

Подобная личная жизненная судьба и история страстно ими любимых народов, подобные или сходные мысли и средства, предлагаемые ими для освобождения, их подлинный гуманизм и безграничный патриотизм — их любовь к другим поработанным славянским народам — идея славянского единства — вот прочная основа их сближения. Жинзифову импонировала в поэзии Тараса Шевченко идея освобождения и единства славянских народов, мысль Шевченко о том, „что мы одной матери дети, что мы все славяне“ (предисловие к „Гайдамакам“). В том же предисловии Шевченко восклицает: „Нехай житом, пшеницею, як золотом, покрита, не размежованою останеться навіки од моря і до моря — слав'янська земля.“

Тарас Шевченко оказал большое влияние на Райко Жинзифова своей программой славянской федерации, которая была основой деятельности Кирилло-мефодиевской общности. Шевченко думает о славянстве, об объединении славянских народов на основах равноправия. В неоконченной драме „Никита Гайдай“ он писал: „Славяне! несчастные славяне! Так нещадно и так много пролито храброй вашей крови междуособными ножами. Ужели вам вечно суждено быть игралищем иноплеменников? Настанет ли час искупления? Придет мудрый вождь из среды вашей погасить пламенник раздора и слить воедино любовию и братством могущественное племя!“³⁶

Чувство славянской общности, с которым так часто встречаемся в публицистике Жинзифова, можно найти и в его поэзии. Самым выразительным примером этого послужит заключительная часть поэмы „Гуслиар в собор“, т. наз. „Здравица“ („Тост“):

Братя, вече дошла доба
Да испием първа чаша.
Не за завист, не за злоба,
Но за братство, дружба наша.

Македонский исследователь и хороший знаток творчества Райко Жинзифова Александр Спасов открыл в государственной библиотеке им. В. Коларова в Софии рукопись стихотворения Жинзифова „Белграду“, которое является дальнейшим доказательством идеи Жинзифова о необходимости совместной борьбы против турок. Стихотворение „Белграду“ написано в Москве 1-го июня 1868 года, т. е. именно в то время, когда яснее всего проявился экономический и политический кризис Турецкой империи. Это период революционизации народных масс на Балканах.³⁷ Стихотворение поэт послал в редакцию газеты „Народност“ к публикации.

³⁶ См. примечание 12.

³⁷ Спасов, А.: *За македонската литература*. Скопје 1962, с. 14.

Оно посвящено смерти сербского князя Михаила Обреновича. Жинзифов именно в то время, когда на повестке дня появляется вопрос об объединении балканских славян против Турецкой империи, писал:

**Плачет Дунав, плачет Сава,
Плачет Вардар и Морава.
Тъжна Босна сълзи ронит
Плачет и Герцеговина
Чърна Гора косми корнит
България с сълзи хлина.³⁸**

На Всероссийской этнографической выставке в Москве в 1867 году много говорилось о Сербии и о князе Михаиле. Поэт здесь выступил с критикой князя за то, что он не объявил войну Турции и до сих пор не освободил Балкан.³⁹ В обширной статье „Михаил Обренович, князь сербский“ Жинзифов писал, что „это ужасное событие, ... глубоко опечалило сердца не только сербов, но и всех вообще славян; особенно же оно пало тяжелым камнем на рабствующих христиан Балканского полуострова ...“⁴⁰

Идеей славянского единства и единения проникнуто и посвящение поэмы Шевченко „Еретик“, в которой поэт раскрывает более широкую идею дружбы всех народов. Слова Пушкина о „великой семье“ из его стихотворения о Мицкевиче („Он между нами жил“), которые прозвучали уже в 1834 году

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся

перенесены Шевченко в его „Заповіт“:

**І мене в сем'ї великій,
В сем'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом.**

В 1868 году Жинзифов переводит поэму „Еретик“ (только первую часть — посвящение) под названием „Послание славному П. И. Шафарику“ и публикует ее в сборнике „Общ труд“. Сразу же надо сказать, что Э. Здравева неправильно считает „Послание“ оригинальным стихотворением Жинзифова,⁴¹ хотя под заглавием отмечено „по Шевченко“. Сравнение

³⁸ Спасов, А.: *Поезијата на Рајко Жинзифов*, Трудови на Катедрата за историја на книжевноста на народите на ФНРЈ, год. 1, бр. 1—2, Скопје 1960, с. 17—29.

³⁹ Поленаковик, Х.: *Рајко Жинзифов, живот и книжевна дејност*, Развиток, год. 17, бр. 1, Витола 1979, с. 36—58.

⁴⁰ Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 1, София 1964, с. 333—338.

⁴¹ Жинзифов, Р.: *Съчинения*, съгмила Э. Здравева, София 1927. Также Г. Тодоровски в издании Жинзифов, Р.: *Одбрани творби*, Скопје 1981, неправильно включил „Послание славному П. И. Шафарику“ к оригинальным стихотворениям Жинзифова.

с оригиналом и русским переводом ясно доказывает, что речь идет о переводе. Б. Пенев о нем вообще не говорит.

В 1845 году Шевченко на время оставил народную тематику и написал произведение на тему из чешской истории — „Еретик“ („Ян Гус“),⁴² к которому через шесть недель прибавил особое поэтическое посвящение — послание Шафарика. В „посвящении“ Шевченко выдвинул заслуги чешского слависта, филолога и археолога, этого „любомудра“, который „крепким сердцем и орлиным зрением“ видел правду и волю великого славянского народа, воспевал его:

Слава тобі, любомудре,
Чеху — слав'янине!
Що не дав ти потонути
В німецькій пучини
Нашій правді. Твое море
Слав'янське, пове!
Затого вже буде повне,
І попливе човен
З широкими вітрилами
І з добрим кормилом,
Попливе на вольнім морі,
На широких хвилях.
Слава тобі, Шафаріку,
Вовіки і віки!
Що звів еси в одно море
Слав'янські ріки!

Шевченко славит Шафарика за его деятельность на благо всех славянских народов. В последних стихах „посвящения“ ярко выражена любовь Тараса Шевченко к славянским народам и идея славянского единства и братства. Шевченко мечтает о том, чтобы „все славяне стали добрыми братьями“:

Щоб усі слав'яне стали
Добрими братами,
І синами сонця правди,
І еретиками

„Посвящение“ Шевченко в переводе Жинзифова с художественной точки зрения означает шаг назад, но оно, бесспорно, повысило популярность Шафарика среди балканских славян и способствовало укреплению идеи славянской взаимности.

Возможно предполагать, что „Еретик“ и „Посвящение“ попали Жинзифову в руки в каком-нибудь издании до 1863 года, когда был издан указ

⁴² Molnár, M.: *Taras Ševčenko u Čechův ta Slovákův*, Prešov 1961; Velinská, E.: *Taras Ševčenko v české kultuře*, Praha 1962; Zilynskiĭ, O.: *K osudům Ševčenkova Kacíře*, Slavia, 1955, s. 45—65.

П. А. Валуева о запрещении украинских книг. Более вероятным является другое наше предположение, что нашему поэту мог доставить „Кобзаря“ в петербургском издании Кожанчикова его личный знакомый П. И. Бартенев. Бартенев, очевидно, занимался творчеством Шевченко, о чем свидетельствует дошедший до нас список „Еретика“ с конца 50-х годов с личными поправками Шевченко. О личном знакомстве Жинзифова с Тарасом Шевченко (что не исключается), к сожалению, нет никаких данных.

В письме М. Дринову от 16 апреля 1869 года Жинзифов пишет о факте, говорящем ярче всех других о его любви к творчеству Т. Г. Шевченко. Он пишет: „Аз преведох на български поголемата част от съчиненията на Шевченко, и това лето мисля да преведа почти что 'сичките, за изключение прозаических его статей“.⁴³

⁴³ Конев, И.: *Райко Жинзифов* (очерк), Известия на Института за българска литература, кн. VII, София 1958, с. 183—184.

